

ПЕДАГОГИКА

Айвис Гришко

Скорее Декамерон, чем тантризм

(фрагмент)

Неизбежная фатальность обреченности на историю подводит к необходимости обходного маневра. Современное знание, опирающееся на повторение, становится перед возможностью комментария как способа речи, позволяющего регулировать дистанцию символической реальности в контексте выразительных средств традиции.

Но позволит ли избежать косной избыточности комментария обсуждение традиции, отсылающей к школе традиции как способу взаимодополнения и взаимоотношения Учителя и ученика, заслоняющей реликвии корпоративности безмолвной доверительностью? Интимно-неведомая правда традиции «забытия» даосизма, не переплетаясь, совпадает в параллельном рассмотрении порождения в духе с традицией раннего христианства. Новое порождение ученика учителем неизбежно придает сакральной инициации, метафоричность реальности плотского рождения. Закономерный переход метафоры в антиномию, в конце концов, изгоняет таинство традиции из повседневной жизни. «Рождение от плоти есть плоть, а рождение от Духа есть дух».

«Трудно отрицать, что за христианской практикой celibата стоит аналогичная концепция, которая, однако, оставалась имплицитной, не выходя на поверхность, не полу-

чая такой массивной, тяжелой, плотной фиксации в словах». Конечно же, в определенном смысле «западная традиция скорее допускала отсутствие стыдливости в материях плотских, чем в материях духовных; скорее «Декамерон», чем «тантризм».

Нахождение в современной ситуации позволяет выхватить свежим взглядом приметы общественно не одобряемого сексуального поведения. Привычные нам по статьям и репортажам в печатных и электронных СМИ, герои пикантных историй оказываются втянутыми в исторически сложившуюся и проходящую концептуальные изменения традицию интерпретаций. Если контекст образования становится современным следом исторического пространства формализуемой чувственности, то проявления, выходящие за рамки моральных ожиданий спонтанных эротических ситуаций придают этой игре рациональное распределение. Поэтому, если и не столь привычно, то не удивительно появление в общественном мнении, как жертв, так и участников многообразия положений интимной связи героев подобной практики.

Сейчас эти люди, заботящиеся о собственном и взаимном удовлетворении, предстают перед нами под точным и подробным взглядом натурализма и интимности. Подоб-

ная видимость — непроявленная проекция, скрывающая в себе возможность обобщения и анализа, техникой выверенной интерпретации. Чтобы их характеризовать, достаточно ли ощущаемой в спонтанных реакциях читателя незавершенной наблюдательности?

Еще более примечательно своим появлением в поле знания сексуального ореола харизматичного лидера секты либо фигуры, на первый взгляд, вполне заурядного гипнолога или психотерапевта. Как правило, становящиеся известными факты длительной сексуальной связи «гуру» с последователями, являются своего рода практическим освоением новомодных учений, в основе которых, плохо усвоенные в неоднократном изложении «древние трактаты». Кажущаяся позитивность и изобильность пафоса является той решеткой, которая скрывает и сдерживает законную неловкость. Метаморфозы правил и спорные намерения искажают сущность любого учения; достижение истинной природы образования требует встать на путь привередливого и открытого полемике, обзора.

По-прежнему, актуальные и справедливые требования моральных норм вводят любого участника и наблюдателя сексуального поползновения в пограничную ситуацию. Размежевание табуированного и вытесненного содержания влечения распределяется в скрытый от пытливого взгляда постороннего зрителя сокровенный мир «личной жизни». Общественная жизнь в течение столетий остается понятийно распределенным пространством умственных усилий, самоконтроля и произвольного внимания, что не мешает ему постоянно профанировать в технологично выверенную систему идеологически обновленных саморазвивающихся детерминант. Необходимость в развитии способностей и навыков делает контекст образования потенциально экзальтированным и одновременно фрустрирующим опытом становления индивида.

В этой связи будет уместным взглянуть на аппарат психоанализа, который носит в своих структурных узлах символический характер.

Как обычно все недоразумения, связанные с невозможностью выразить языковыми средствами явления вытесненного содержания влечений, прочно блокируются в традиционном слое предметного языка существующих теорий и расхожих предпочтений общественного мнения. Традиция толкования скрытого содержания психической жизни, обращение к материалу сновидений и подав-

ленных воспоминаний подводит к раскрытию и рассмотрению существующих в психической реальности смыслов, укорененных в предметности языковой фокусировки явлений.

Наверное, существующие вариации мировоззренческих дихотомий ставят современника в ситуацию оптимальной значимости душевной работы, при которой поле смыслов сужается в постановке задачи. Развитие технологий, ставящих целью сэкономить время и энергию, приводят к новым возможностям в решении проблем. Рост потребностей и амбиций придает массовой жизни необходимость поиска идеологий немедленного достижения поставленной цели. Как признаются американские психологи, «мы считаем, чем быстрее мы двигаемся, тем больше успеваем, тем счастливее становимся и больше зарабатываем». Такое положение позволяет ощутить упоение темпом деловой жизни, и, конечно же, уводит от осмысления событий собственной биографии. На каком-то этапе сексуальная жизнь становится показателем успешности, либо замещается деловыми достижениями. Фрейд по этому поводу указывал: «Там, где произошел толчок к образованию массы, неврозы слабеют, и, по крайней мере на некоторое время, могут исчезнуть целиком».

В этом контексте в систему социальных отношений вводится измерение политкорректности. Вошедшее в обиход новое понимание этических норм, регулирующих непростые нюансы взаимоотношений, становится юридическим и морально оформленным моментом установления границы дозволенного и близости в реальных, психологически обусловленных связях. Произвольно понимаемая и растяжимая формулировка домогательства может стать поводом к обвинению и предметом дальнейшего судебного разбирательства. Строгая и дотошная система превентивного ограничения любых неоднозначно понимаемых порывов является ответом на формируемую в течение последнего столетия тенденцию к принятию и озвучиванию вытесняемой зоны сексуальных переживаний. Морально охраняемое от тревожных поползновений личное пространство становится тщательно регулируемым, и разграничивает сферу самореализации.

В современной ситуации всевозможные источники «непристойностей» давно заняли свободно регулируемые ниши, и перманентная возможность возбуждения эротических

фантазий и раскрепощенность в реализации любых сексуальных стремлений уже не является столь явной угрозой и вызовом общественной морали. Скорее всего, потенциальное посягательство на мнительно ранимое пространство созревания личности в своей связи с чувственным миром может быть рассмотрено как фрустрирующее вмешательство в зону непосредственного открытия естественных и болезненно чувствительных истин.

Исторически сложившаяся роль церкви в оберегании нравов постепенно отходит на второй план перед витальными течениями общественной жизни. С конца XIX века антиклерикальные выступления прочно укрепляются в общественном сознании. Серии статей о «природе христианства», где история христианства представляется бесконечной резней во имя Христа, а римские папы — убийцами, кровосмесителями и шарлатанами, приобретают широкую огласку. Известный памфлет Э.К. Хенвуда заканчивается словами: «Почему священники и судьи уделяют такое большое внимание половым органам граждан, совершенно забывая об их желудках и мозге?»

Классики литературы, в частности Овидий, Рабле, Чосер и Филдинг всегда обращают внимание на эротическую сторону жизни современников, не обремененных догматическими наставлениями богословских трудов. Расщепленная богоискательскими веяниями, сексуальность на протяжении веков облакалась в форму inferнальной символики. Чаяния духовной жизни превращали моральный облик общественности в тяготеющий груз «порока» и стыдливости. С. Цвейг в своем посвящении Фрейду писал: «Опасный психоз лицемерия, целые столетия терроризировавший европейскую мораль, рассеялся без остатка, мы научились без ложного стыда вглядываться в свою жизнь...»

Завершенность акта познания в слове, укорененного в церковной модели образования, сменяется познанием жизни в подчинении законам происхождения. Мифологический язык Небесной иерархии, обреченный на закоснелую форму патетики, уступает место прогрессу знания. Либидозные веяния, исторически подавляемые благочестивыми помыслами, находят свое выражение во многих элементах массовой культуры. В культурных течениях происходит своеобразный психоанализ, где между исполнителем, автором и

слушателями, зрителями возникает трансфер, т.е. ситуация переноса реальных переживаний на кумира публики. Содержание всех стадий любовных отношений оформляется в работе фантазирования и воображения. Контекст образования в этом случае простирается из исторического пространства познания к образованиям языка в поисках метафоры. В своей статье «О психоанализе» М. Мамардашвили говорил: «Метафора к тому же еще есть вещественное образование. Метафора — это вещи, заменяющие другие вещи, метафорически заменяющие их... Потому что каждый раз имеются в виду генеративные, а не отражающие свойства психики».

Похоже, исповедальность из интимной тишины церкви выходит на подмостки поп-культуры и прочно оседает в лично-выстраданных песнях и книжных строках. Попытки освободиться от догм католического воспитания находят выход в отчаянных актах глумления над портретом папы римского.

Мучительная неудовлетворенность жизнью переходит из альбома в альбом. Как признается Тори Амос: «Стоя в церковном хоре, я чувствовала себя подавленной, и все время ждала, когда же кончится это мучение. Я проклинала эту музыку для старых ханжей». Каждый альбом является своеобразным поиском новых ценностей жизни. Она запросто размышляет на темы убийства и самоистязаний, секса с Богом. Вообще, богохульственные мотивы обычное явление в среде альтернативной музыки. Хит “Jesus Fuck” и иконоборческий хит-сингл “Reverence” принесли Jesus & Mary chain заслуженную славу. Действительно, сексуальность входит в мир подрастающего поколения с голосом любимого певца. К тому же ирония и изящество часто скрашивают неизбежные тексты о физической любви.

В свою очередь, сенильная история схватки Добра со Злом ради жизни на земле проникает на киноэкраны, но вызывает у зрителя лишь раздражение и быстро утомляет. Как обычно, подобная паранойя политкорректности выливается в невнятную агитку и сводит на нет старания ревнителей религиозных ценностей.

Проникающее в массы острое пронзительно недоговоренных идей оформляется в орудие. Но безудержная эротичность поп-рок культуры в своих поисках любви застревает в конфетно-вульгарных припевах потока клипов. Любовь же, по-прежнему, «хоть и наступило «новое время», бывает безответной,